

Глава 2

Разгром церквей

Глядя на жалкие остатки когда-то величественных храмов, которые сейчас поднимаются из руин усилиями Церкви, верующих и, слава Богу, теперешней власти, становится горько за тот урон, который нанесли национальному достоянию России волюнтаристские решения партии и правительства в прошлом. Если накануне революции в Пензенской епархии насчитывалось около 1000 церквей и 23 монастыря, то сейчас в ней лишь 150 зарегистрированных приходов и три действующих монастыря. Да и то не везде богослужения ведутся в старых, возвращенных епархии храмах: во многих селах их просто не осталось, поэтому верующие вынуждены приспособлять для удовлетворения своих религиозных потребностей любые здания. Возрождение церковного строительства только лишь начинается. Прерванная за годы советской власти преемственность в развитии культурной архитектуры никак не найдет дальнейшие пути для своего воплощения. Архитекторы, приученные проектировать сооружения гражданского и жилого назначения, оказались не готовыми внести что-то новое при попытке обратить свою мысль на создание храмов и вынуждены оглядываться назад, сквозь столетнюю пропасть, отделяющую сегодняшний день от времени, когда каждый год на Руси появлялись десятки и сотни церквей, украшающих нашу землю и возвышающих духовно и их конкретного творца, и Россию в целом. Даже взятие за образец готовых проектов храмов, опубликованных во всевозможных дореволюционных изданиях, да и в советских книгах по архитектуре, не приближает к цели, которая должна стоять перед всяким творческим человеком – создавать прекрасное по канонам, дарованным нам нашим Создателем. Утрата строителями мастерства, экономические трудности нашего времени не позволяют и на толику приблизиться к тем высокохудожественным образцам церковного зодчества, которые оставили нам наши предки в наследство, так нами бездумно растраченное. Тем с большим вниманием мы должны отнести к сохранившимся еще у нас храмам, чтобы перенять вложенные в них опыт и мастерство предыдущих поколений, пока не восста-

новится в нас богоданное созидательное начало и, может быть, та связующая нить, которая незримо соединяла человека с Богом во всей его повседневной жизни. Но сколько их осталось, церквей, на Пензенской земле, ждущих своего восстановления? Сто, двести? Переданные епархии, они все равно не возродятся без участия в этом самих жителей и, конечно же, местных властей. На них сейчас вся надежда. Тем более, что и ломались храмы на Руси не по одной указке сверху: всегда находились не только активные исполнители, но даже инициаторы их уничтожения среди самого народа. Пусть “требования трудящегося населения” и были санкционированы властью имущими, но ведь и голосовали на собраниях, и ставили свои подписи под этими “требованиями” сами трудящиеся. И сбрасывали колокола и кресты с храмов не начальствующие, а продавшие за бутылку самогонки свою совесть представители трудового народа. А другие в это время стояли и смотрели, хотя и не везде: среди пострадавших за веру немало и таких, кто оказывал сопротивление и закрытию церквей, и надругательству над ними.

Нельзя не признать, что процесс закрытия церквей часто делался руками самих верующих. Но эта “добровольность” сродни той, когда доведенный до нищеты человек вынужден так же “добровольно” продавать свои вещи. Ставший непосильным для значительно поредевшей религиозной общины налог за пользование зданием церкви и невозможность поддерживать храм в надлежащем состоянии вынуждали прихожан к отказу от пользования храмом. Ну а там, откуда уходит жизнь, наступает запустение.

Многие храмы начали умирать еще в начале 20-х годов, и в первую очередь те, которые были переданы обновленческим общинам. Сохранившиеся документы доносят до нас их незавидную судьбу, что видно на примере одного из них: “В середине декабря 1922 года Никольский храм в Пензе был передан в безвозмездное пользование так называемой обновленческой общине, и верующие почти совершенно перестали посещать его. От неуплаты налогов явилась большая задолженность. Поэтому год от года храм приходит все в большее запустение, так как за это время он ни разу не ремонтировался, не считая освобождения левого портика от развалившихся наверху его кирпичей. Внутри происходит то же самое. Штукатурка с прекрасной живописью на ней целыми саженными пластами отваливается как в куполах, так и в потолках алтарей и по стенам”²⁰³.

Четыре с половиной года хватило на то, чтобы довести когда-то прекрасный, благоукрашенный храм до такого состояния. Нередко в аргументах, которые возводились вокруг стремления под каким-либо предлогом закрыть храм, сквозила такая забота о людях, что прямо диву даешься, ну как это мы не построили светлого будущего. Вот, к примеру, акт обследования церквей Всехсвятской, бывшего мужского монастыря и Казанской от 4 января 1930 года: “Эти церкви не имеют громоотвода.

В Казанской церкви неисправно калориферное отопление и в квартире священника нет разделки от печной трубы от плиты, и само здание церкви находится вблизи Казанского моста, ввиду чего съезд с него очень мал, а в сторону Чембарской улицы весьма неудобен. Расположение церкви у Казанского моста препятствует устройству подъездов к реке, что, принимая во внимание частую застройку заречной части города и недостаточное водоснабжение, является тормозом при тушении пожара и может повлиять на распространение огня вплоть до стихийного пожара. Все здания имеют металлические решетки, что является недопустимым для зала собраний... Заключение: Принимая во внимание все вышеизложенные факты, а также: 1) большие размеры помещений, влияющие на быстрое распространение огня; 2) наличие деревянных полов и деревянных частей (иконостасов и пр.); 3) применение открытого огня в виде свечей и углей в кадилах; 4) состав посещающих, среди которых много нетрудоспособных и малолетних, которые в случае возникновения пожара быстро поддаются панике и будут жертвами такой, считаем необходимым Казанскую церковь снести, а Всехсвятскую и бывший мужской монастырь закрыть к наступлению весеннего времени”²⁰⁴. Вот так-то, если ваша квартира достаточно просторна, в ней имеется мебель или, в крайнем случае, деревянные полы, а также применяется открытый огонь во время приготовления пищи или купания (в виде горящего газа) и среди ваших домашних имеются дети и инвалиды, которые в случае пожара станут первыми его жертвами, то в ваших же интересах будет вас выселить из вашей квартиры и предоставить взамен тесное, каменное, холодное помещение, где вам будет спокойно и безопасно. Не тюремную ли камеру? Может быть, эти параллели и пришли на ум тех, кто вскоре решил жилищную проблему в стране именно таким образом, превратив тюрьмы в жилища, а Россию в одну большую тюрьму.

Исполком Средневолжского края пониманием отнесся к такому решению пензенских властей и в своем заседании от 15 декабря 1930 года постановил: “Считаясь с необходимостью сноса здания Казанской церкви для обеспечения пожарной безопасности заречного населенного пункта “Пески” путем расширения проезда от Лебедева моста, Казанскую церковь закрыть со сносом ее”. Однако прихожане церкви немедленно обратились с протестом во ВЦИК, и церковь удалось отстоять. Но не надолго. Уже летом 1931 года президиум ВЦИК, рассмотрев этот вопрос, отклонил ходатайство верующих и утвердил снос Казанской церкви. Но оказалось вдруг, что это здание приглянулось городу, и малый президиум Пензенского горсовета 23 июля 1931 года постановил: “1). Имея в виду потребность “Союзхлеба” в складочных помещениях, предоставить под временное хранилище здание Казанской церкви, предназначенное к сносу. 2). Колокольню, как мешающую проезду, разобрать. 3). При организации “Союзхлебком” постоянного помещения под склады здание церкви, как мешающее движению, снести”. Вот уж

действительно, что позволено Юпитеру, то нельзя быку.²⁰⁵

Пытались обжаловать верующие во ВЦИК и решение Средневожского крайисполкома о закрытии Всехсвятской церкви, располагавшейся в п. Манчжурия, и о передаче ее под культурно-просветительные цели. Но нашлись “мудрецы”, которые посчитали, что лучшим использованием бывшего храма будет “приспособление молитвенного здания под райбиблиотеку с использованием насаждений (ликвидированное кладбище) под детплощадку”. То, что церковь находилась “в пяти метрах от уреза неукрепленного берега реки”, об этом, конечно, вдали от Пензы никто не мог знать, так что винить их за столь глупое предложение по использованию здания не стоит.²⁰⁶ Но вот совет устроить детскую площадку на костях почивших?! Эта затея, по-видимому, крепко запала в головы отцов города, которые превратили ее в жизнь в несколько измененном виде: разбив сквер на месте снесенного в 1934 году кафедрального собора и проложив пешеходную дорожку с лавочками для отдыха прямо над могилами погребенных в нем пензенских архиереев – Иннокентия, Афанасия, Амвросия 2-го, Григория и Антония 2-го, чьи останки в 1998 году были извлечены и перезахоронены перед зданием переданного епархии бывшего архиерейского дома.

Утомившись, как видно, возиться с каждой церковью в отдельности, Пензенский горсовет решил покончить с большинством из них одним махом, пустив для этого в ход “тяжелую артиллерию” – “глас народа”: “В президиум ВЦИК. Принимая во внимание требования рабочих организаций г. Пензы и учитывая, что контингент верующих малочислен (по Покровской церкви – 25 чел.), президиум горсовета в своем заседании от 26 сентября 1931 года вынес решение закрыть Покровскую и ряд других церквей. Постановление утверждено крайисполкомом. Изъятие Покровской церкви произведено 1 октября и передано в УЗП для организации кино. Оставшаяся община бывшей Покровской церкви свои религиозные запросы исполняет в Мироносицкой церкви”. С чувством исполненного долга горсовет рапортовал в президиум ВЦИК о свершившемся: “Согласно внесенному наказу 35553 избирателей 14 созыва Пензенского горсовета президиум горсовета на своем расширенном заседании от 26 сентября 1931 года вынес решения о закрытии Петропавловской, Рождественской, Преображенской, Покровской, Боголюбской, Мироносицкой и еврейской синагоги, которые были утверждены крайисполкомом. Вышеозначенные церкви переданы: Петропавловская и Рождественская – во временное пользование “Союзхлебу” под склады; Боголюбская – гороно для организации антирелигиозного музея и райбиблиотеки; Покровская – УЗП, где организовано кино; Преображенская – дирекции швейной фабрики для организации общежития рабочим фабрики, которое с 7 ноября т. г. намечено к открытию; синагога – обществу ОЗЕТ и под клуб швейников, открытие последнего состоялось 10 октября 1931 г.; Мироносицкая (имеется в виду не Успенский храм, а Сергиев-

Казанская церковь

Никольская церковь

ская церковь. – А. Д.) – велозаводу под разборку и использование материала для строительства”.²⁰⁷

Действующими к этому времени оставались лишь Успенский храм на Мироносицком кладбище, Митрофановская церковь, Спасо-Преображенский храм в мужском монастыре и Никольский молитвенный дом в пригородной слободе Городок. Ранее закрытые пензенские церкви использовались следующим образом: кафедральный собор – под архивохранилище, Никольская церковь – “Союзхлебом” под ссыпной пункт, крестовая Воскресенская церковь в архиерейском доме – под дом пионеров, Воскресенская (Старый Спаситель) – временно под ссыпной пункт, но была предназначена под красный уголок РЖСКТ, обе церкви Троицкого женского монастыря – под мастерские “Установки”, Богоявленский храм (Новый Спаситель) – под клуб железнодорожников, в Введенской церкви расположилась пожарная часть.²⁰⁸ Какие из этих храмов остались и в каком состоянии, – знает каждый.

О том, как безапелляционно игнорировалось мнение верующих, свидетельствует ответ на жалобу жителей пос. Ахуны, поданную в административный отдел Пензенского окрисполкома в декабре 1930 года. Но сперва само ходатайство верующих: “Мы узнали, что сделано распоряжение о закрытии нашего храма, и сделано будто бы на основании постановления общего собрания, выразившего желание на это закрытие. В данном постановлении будто бы сказано, что поселок Ахуны и не нуждается в собственном храме, т. к. другой храм находится всего в трех верстах. Мы все, верующие пос. Ахуны, не можем согласиться с этим и решительно протестуем против постановления о закрытии храма, как совершенно не выражавшего голос и желание большинства верующих нашего поселка, и вот почему. Во-первых, постановления нашего храма не могло быть и не было в действительности, потому что большинство жителей – люди верующие и никогда не откажутся от храма. Во-вторых, вблизи (в трех верстах) никакого храма нет; самый ближайший – в семи верстах, и посещение его представляет много затруднений, а в весеннее время, когда Ахуны совершенно отрезаются от окружающих местностей, посещение это является совершенно невозможным, а потому верующие вынуждены будут оставаться без удовлетворения своих религиозных потребностей. Ввиду вышеизложенного просим административный отдел приостановить окончательное закрытие нашего храма и разрешить нам созвать общее собрание ахунских жителей (членов религиозной общины) для выяснения вопроса о нашем храме”. На этот крик души нескольких десятков верующих власть ответила предельно лаконично: “Президиум окрисполкома предлагает сообщить уполномоченному группы верующих пос. Ахуны, что к пересмотру состоявшегося постановления окрисполкома о закрытии церкви не имеется оснований”.

Может быть, в районах власти были поговорчивее? Нет, везде было одно и то

Всехсвятская церковь

Покровская церковь

же. Вот несколько документов 1928–1930 годов на эту тему.

По Мокшанскому району:

“В президиум облизполкома. Данные обследования состояния религиозной общины Казанской церкви при с. Мокшане (при Казанском женском монастыре. – А. Д.) показали, что указанная община, функционируя до настоящего времени вообще с нарушением существующих правил о религиозных объединениях, фактически сохранила монастырский уклад жизни и оказывает разлагающее влияние на организованную в пределах территории общины сельскохозяйственную коммуну. Кроме того, специальным актом технического надзора при производстве того же обследования установлена возможность обвала молитвенных зданий ввиду их ветхости, почему президиум окрисполкома в заседании своем от 16/VIII сего года признал целесообразным произвести ликвидацию этой общины, имея также в виду, что удовлетворение религиозных потребностей членов общины возможно в молитвенных помещениях близлежащих селений. На основании изложенного, президиум окрисполкома ходатайствует о расторжении договора с Казанской религиозной общиной и о закрытии ее молитвенных зданий.

Зампредокрисполкома

Казуров

За секретаря окрисполкома Перминов”²⁰⁹.

По Башмаковскому району:

“В президиум областного исполнительного комитета Средневолжской области. На общем собрании граждан села Кандиевки Башмаковского района, состоявшемся 14 декабря 1928 года, было принято решение о закрытии церкви в этом селе и о приспособлении ее под культурно-просветительное учреждение. Это постановление было принято громадным большинством голосов членов собрания (из 400 присутствующих против голосовали трое). Село Кандиевка, насчитывавшее в рядах своих граждан целый ряд революционных работников, еще до революции было в первых рядах по культурному развитию, принимало активное участие в аграрном движении, почему указанное решение вполне соответствует воле громаднейшего большинства населения. Вблизи этого села на расстоянии 2-3 километров расположено село Николаевка, имеется церковь, в которой верующие могут удовлетворять свои потребности. Имея в виду особые условия уклада жизни с. Кандиевки и наличие воли абсолютного большинства его населения, а также необходимость в помещении для культурно-просветительного учреждения, президиум окрисполкома ходатайствует о расторжении договора с религиозной общиной, заключенного на пользование церкви и о закрытии последней для приспособления ее под культурно-просветительное учреждение.

Петропавловская церковь в момент разрушения

Богоявленская церковь (Новый Спаситель)

Зампредокрисполкома   Степанов
Секретарь окрисполкома   Венедиктов ” 210.

Подобная аргументация использовалась и для обоснования закрытия других храмов. Но насколько она соответствовала действительности? Об этом можно узнать, сравнив вышеуказанный документ с заявлением другой стороны – верующих села Кандиевки, адресованным от лица общины в Пензенский окружной исполнительный комитет: “Религиозная община села Кандиевки просит комитет разъяснить нам и помочь нашему горю: на каком основании закрыт наш храм? По соображениям нашим, закрытие храма считаем незаконным. Закрытие коего начато было подложным действием: тов. Любимовым Васильем, заведующим школой II ступени с. Кандиевки Казуровым Евгением и председателем сельсовета, которые в 10 часов вечера втихомолку, не давая повестку населению, собрав собрание, которое состояло большинством из учеников школы крестьян-ской молодежи и комсомольцев в возрасте с 13 лет и выше, не принадлежащих нашему району, из разных сел и деревень, а остальные члены собрания были партийцы и около 10 человек было верующих, живущих около сельсовета, а более тысячи верующих ничего не знали. Тов. Любимовым было открыто собрание, на котором было около 300 человек, и единогласно подняли руки о закрытии храма, а некоторые подняли по две руки, а против закрытия только подымали руки наши верующие. О закрытии церкви был написан протокол, который был отправлен на утверждение в Башмаковский район и дальше по инстанциям. Узнавши верующие о ложном действии закрытия храма, болезненно тронулись, почему мы, собравшись большой группой, обратились в сельсовет с просьбой о разрешении открытия нам религиозного собрания и также разрешить регистрацию верующих. Председатель не допустил нас в помещение сельсовета. Мы стояли весь день на морозе до вечера, вечером мы могли войти в помещение и просить председателя о разрешении вышеозначенного, и он только над нами насмеялся, а затем, потушивши огонь, и сам скрылся, нам пришлось выходить впотьмах, почему была сильная давка и страшный крик, который доходил до кровопролития. Находясь в таком тяжелом положении, нами было послано двух членов церковного совета в рик с просьбой о разрешении провести регистрацию верующих. Рик тоже отказал. 25 марта 1929 года тов. Казуровым и председателем сельсовета Заварзиным и несколько комсомольцев и партийцев ворвались вовнутрь храма, не снимая головного убора, и в таком виде вошли во святой алтарь, где ими произведена была проверка церковного имущества. Во время проверки делали всякие кощунства над святыней, что не полагается партийцу: клали грязные вещи на престол, комсомолки касались святыни, а одна кандидат партии Бакунина Татьяна облокотилась на престол. Церковные одежды были разбросаны ими по полу. По окончании проверки тов. Казуров запер двери храма и ключи

Преображенская церковь

Рождественская (Духосошестввенская) церковь

отдал председателю сельсовета. Группа верующих, стоявших около храма, видя такую наглость, сильно тронуты, и был сильный шум и адский крик, дело доходило до драки, Казуров и Заварзин спаслись бегством. Волнующую массу успокоили лишь только члены оик тов. Торкин и Небогатиков, которые дали разрешение провести регистрацию по домам. Но по отъезду их председатель совета снова запретил, почему нам пришлось еще раз обратиться в рик, и который нам дал разрешения на дому церковного председателя провести регистрацию, но председатель сельсовета снова запретил давать повестку верующим.

По проверке верующих оказалось восемьсот (800) человек, многие верующие не знали: старые, больные, не имевшие одежды и обуви не могли придти записаться. Нами, верующими, было послано ходатайство перед ЦИК, причем была представлена регистрация верующих и акт о закрытии храма, которые и были оставлены в ЦИК для разборки дела, и когда ЦИК разобрал дело и наложил резолюцию, храм остался в пользу верующих, и переслал в Башмаковский рик, но последний от нас это скрыл, но мы все-таки окольным путем это узнали и пошли в рик около ста человек женщин и мужчин, стали просить председателя рик Бочкова прочесть нам резолюцию, который после долгих отказов прочел и сказал: “Вот, граждане, здесь написано, что храм остался в пользу вашу, но мне не написали, что он открыт и чтобы вам отдать ключи, а теперь вы ко мне больше не приходите и не мешайте мне, а ждите разрешения из оик о выдаче вам ключей”. А 1 апреля с. г. к нам в Кандиевку прибыл отряд милиции с начальником милиции, все вооруженные, и хотели приступить к снятию колоколов, но, узнавши, верующие, собравшись около храма, не допустили до ломки, тоже доходило до бунта. Мы телеграммой в ЦИК сообщили, который остановил их до разборки дела, а теперь мы тоже и телеграммы посылаем, но ответа не получаем, наверно у нас их перехватывают, в чем мы уже удостоверились. 25 апреля нам на имя церковного совета было письмо, и когда почталион разбирал эту почту, то многие видели это письмо, а потом оно пропало, тут верующие собрались и стали требовать это письмо у председателя. Тот указал на секретаря, но последний настаивал, что у председателя, и в конце концов председатель отдал письмо, вот в каком виде был конверт: новый адрес написан его рукой, погашенная марка прилеплена и его сельсоветская печать приложена. Мы обратились на почту к начальнику почты, тот сказал, что письмо подложно и направил нас к начальнику милиции, тот раньше не хотел принять никакие меры, но когда наши посланные сказали, что в таком случае мы обратимся дальше, то он тогда составил акт и сказал, что передаст дело в суд, но мы-то слышали, что это дело положено под сукно. Вот что творится в нашем рике, где мы должны всегда искать правды. А однажды у нас арестовали женщин 5 человек и посадили их в одиночку, где бедные гражданки видели только одни насмешки, продержали трое суток и выпустили. Причину ареста выставили таковую, что они

Храм Воскресения словущего (Старый Спаситель)

будто бы срывают собрания, но это одна лишь ложь. А теперь мы, верующие, обращаемся и просим Пензенский окружной исполнительный комитет оказать нам, верующим, милость по открытию храма в наше пользование, так как страховка за храм возложена на нас, верующих, в сумме 60 р. и храм те-перь находится без охраны, немало разбито стекол и всякие другие повреждения. Члены церковного совета (далее следуют подписи. – А. Д.)”²¹¹.

На такой коллективный протест по поводу творимых сельсоветом и райисполкомом безобразий окрисполком был вынужден предложить Башмаковскому райисполкому “в срочном порядке открыть для удовлетворения религиозных потребностей верующих церковь в селе Кандиевке впредь до разрешения вопроса о ее закрытии во ВЦИКе”²¹². Пришлось пойти на это окрисполкому скрепя сердце, в нарушение обычной солидарности, существующей в подобных случаях между представителями власти, хотя полностью и разделяя решение о закрытии церкви. И свою принципиальную позицию донес до президиума облисполкома Средневолжской области: “По вопросу закрытия церкви в с. Кандиевке Башмаковского района, по данным райисполкома, представляется следующее объяснение.

25 марта с. г. комиссией райисполкома была произведена проверка наличия имущества указанной церкви и передана часть предметов религиозного культа. Здание было опечатано и ключи от него были переданы председателю Кандиевского сельсовета. Впоследствии комиссией, созданной распоряжением окрадротдела, передача имущества другой религиозной общине была приостановлена впредь до разрешения вопроса во ВЦИКе. Служители религиозного культа по закрытии церкви производили сбор групп верующих и перепись последних по селу, ввиду чего Башмаковский райисполком указал Кандиевскому сельсовету о недопущении этого без соответствующего разрешения. Ломка здания церкви не производилась, и оно находится в прежнем виде. По сообщению райисполкома, список верующих, с которыми уполномоченные религиозной общины обращались с просьбой во ВЦИК, составлен неправильно (в некоторых случаях родителями за малолетних детей). Наличие в трех верстах от с. Кандиевки другого села с имеющейся в нем церковью позволяет верующим удовлетворить свои потребности.

Считаясь с необходимостью приспособления церковного здания под культурно-просветительное учреждение и учитывая ходатайства общественных организаций села и значительного большинства его жителей о ликвидации церкви как таковой, президиум окрисполкома просит о скорейшем разрешении вопроса о закрытии церкви”²¹³.

Как этот вопрос разрешился в дальнейшем, понятно и без слов, по-

сколько церкви в Кандиевке не стало.

По Иссинскому району:

“Иссинскому райисполкому. Секретно. В начале 1930 года (январь – март) в связи с ростом коллективных хозяйств мы имели массовое закрытие церквей по округу, в том числе и по вашему району. Большой размах антирелигиозного движения мы расцениваем как результат проведенной за осенне-зимний период времени массовой работы в деревне партийно-советскими и общественными организациями. Вместе с тем, мы имеем очень много случаев закрытия церквей административным путем без достаточной подготовительной работы, и особенно среди женщин. Там, где администрирование преобладало над массовой работой, где допущены были перегибы, мы имеем за последнее время наплыв ходяков с жалобами на закрытие церквей без согласия большинства верующих. Расценивать такие действия как нарушение советского законодательства, как нарушение директив партии – иначе нельзя. ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 14/III т. г. об искривлении партлинии в колхозном строительстве обязал партийно-советские организации решительно прекратить практику закрытия церквей в административном порядке.

Исходя из этой директивы ЦК, президиум окрисполкома предлагает вам проверить все случаи закрытия церквей в вашем районе с точки зрения соблюдения существующего законодательства и директив партии, и в тех случаях, когда церковь закрыта по действительному желанию абсолютного большинства верующих, немедленно оформлять материал в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8/IV-29 г.”²¹⁴

В этом документе заслуживает внимание не изменение якобы курса в борьбе с религией на более законные формы ее ведения: это как в любой спортивной борьбе для жаждущих победы любой ценой – пока за тобой наблюдает рефери, следует избегать игры не по правилам, но лишь только он отвернулся – бей исподтишка. Поэтому и неважно, что декларируется, главное – каковы истинные намерения. Но кто же был тем арбитром, перед которым партия играла в поддавки, отменяя ненадолго собственные решения? Или же это такой особый болевой прием: ведь мягкий металл может сколько угодно сгибаться не ломаясь, а железо не выдерживает “исправления перегибов”, после которых любое новое искривление ведет к окончательной его ломке. Так и с человеком железной веры. В приведенной цитате важно то, что отмечена взаимоисключающая зависимость колхозного строительства и религиозного чувства. Когда закрыты церкви, один путь – в колхоз. Когда загоняют скотину, главное – открыть лишь одни ворота. Вот так и приравнивали к ней крестьян,

принудительно согнав их в общее стойло, подменив им веру в Царство Небесное на грязную и вонючую действительность.

По Иссинскому району:

Копия письма Иссинского райисполкома в президиум окрисполкома от 13 апреля 1930 года: “В конце 1929 года и начале 1930 года в Иссинском районе без ведома рик самим населением было закрыто 19 молитвенных зданий, часть из которых уже переделаны под культурно-просветительные учреждения. В числе этих зданий постановлением общего собрания граждан села Иссы была закрыта и иссинская церковь. В настоящее время, когда служители религиозного культа иссинской религиозной общины окружной прокуратурой отпущены и прибыли в Иссу, небольшая часть граждан ходатайствуют об открытии иссинской церкви, вместе с тем, в ряде других сел в связи с наступлением религиозного праздника Пасхи имеются также колебания.

Президиум рик считает по чисто политическим соображениям совершенно невозможным открывать иссинскую церковь, так как за селом Иссой, как районным центром, потянутся и другие селения, почему и просит об отмене вашего распоряжения за № 052/10-4”²¹⁵.

Как организовывались “желания трудящихся” по закрытию церквей, видно из “Плана проведения кампании по закрытию собора и снятию колоколов со всех церквей в городе Кузнецке”, составленного по заданию партии неким ее товарищем Федоровым и утвержденного на закрытом заседании бюро Кузнецкого окружкома ВКП(б) 11 января 1930 года:

“1. Кампания проводится с 13 по 22 января 1930 г. под лозунгом укрепления всей работы Союза воинствующих безбожников по линии вовлечения новых членов в Союз, укрепления его работы и организационного оформления всех существующих ячеек и организации новых с таким расчетом, чтобы охватить антирелигиозной работой все предприятия и учебные заведения.

2. Проведение кампании должно обеспечить подлинное участие широких масс трудового населения и учащихся города.

По линии профсоюзов:

13 января провести городское собрание ударных бригад с количеством участников до 200 человек...

По линии женотдела:

9 января проведено собрание женделегаток города, на котором присутствовало 170 человек. Вынесено требование о закрытии собора и передаче всех колоколов с церковью на индустриализацию страны.

14 января провести кустовые делегатские собрания в семи пунктах (350–400 человек), на которых проработать меры по итогам городского собрания делегатов о закрытии собора, снятии колоколов.

По линии кустпромсоюза:

Провести общегородское собрание актива, а после общее собрание членов кустпромсоюза с требованием закрытия собора и снятия колоколов с церковью города...

По линии печати:

14 января. В газете “Трудовой путь” поместить резолюцию собрания ударных бригад о закрытии собора и снятии колоколов со всех церквей г. Кузнецка.

15 января. Газета публикует резолюцию городского собрания профактива и материалы о проведении кустовых собраний женделегатов с кратким изложением содержания постановлений.

17 января. На страницах газеты публикуются постановления рабочих собраний с требованием закрытия собора и снятия колоколов со всех городских церквей.

19 января. В газете помещаются статьи о вреде религии, о том, что религия является тормозом социалистического строительства, также публикуются материалы о готовящейся антирелигиозной демонстрации трудящихся.

20 января. Газета публикует материалы о готовящейся демонстрации трудящихся и списки верующих, протестующих против закрытия собора, раскрывая их социальный состав.

22 января. На страницах газеты помещаются материалы об антирелигиозной демонстрации. Выпускается листовка о вреде религии и задачах строительства социализма.

По линии комсомола:

Проведение собраний ячеек на предприятиях и учебных заведениях. Общие собрания учащихся. Все комсомольцы и учащиеся принимают участие в антирелигиозной демонстрации 22 января 1930 года...”²¹⁶.

“Обзор политического состояния деревни Пензенского округа с 1 января по 1 мая 1930 года” подвел итог вживления в сознание людей новых установок, выработанных в Кремле: “По округу 64 массовых выступления, в том числе на почве коллективизации – 40, на почве закрытия церквей и религиозного фанатизма – 24... Из 24 случаев массовых выступлений на религиозной почве поводом послужило: налоги на церковь и духовенство – 2, аресты духовенства – 4, закрытие церквей – 6, снятие колоколов – 7, переоборудование церквей – 2, требование об открытии

закрытых церквей – 3”. Под этими цифрами скрываются трагические события в истории русского народа. Одно из них имело место в с. Гоголев Бор теперешнего Земетчинского района, где “общим собранием было решено снять колокола и передать их в фонд тракторизации. Снятие их прошло без всяких эксцессов. Но председатель сельсовета решил покончить с церковью совсем и, воспользовавшись приездом двух милиционеров, вместе с ними, пригласив на помощь членов сельсовета, начали ломать иконостас. Бросали иконы на землю с матерщиной. Население села собралось и заявило: “Не дадим богохульствовать”. Когда подъехало шесть подвод для погрузки церковной утвари, женщины бросились спасать иконы. Выбжавшие из церкви милиционеры сделали три выстрела вверх. Толпа разбежалась, а утварь была доставлена в с. Кириллово и свалена на склад потребительского общества, а иконостас свалили у здания сельсовета на дрова. 26 февраля председатель сельсовета Козлов полез на купол церкви, чтобы снять кресты. Крестьяне ударили в набат, собралась толпа. Испугавшись за свою жизнь, Козлов стал угрожать, что сейчас прибудет милиция и всех арестует. Прибывшие милиционеры из села Кириллова и уполномоченный рика Бундарев пытались выстрелами вверх разогнать толпу, но видя, что она не разбежится, быстро уехали из села. Расследованием установлено, что Козлов провел это закрытие, чтобы о нем был помещен материал в окружной газете как об одном из первых покончивших с религией на территории сельсовета”²¹⁷. И сколько таких козловых было на Руси, стремившихся угадать желание начальства и побыстрее угодить ему, отрапортовав о досрочном выполнении намеченного партией и правительством.

Пересадка крестьянскому организму инородных для русской души мыслей и чувств протекала с явными осложнениями. Нужны были экстренные меры, чтобы избавить людей от иммунитета. Для этого прежде всего надо было поместить их в особые условия. Созданию таких условий в масштабе всей страны и было посвящено следующее десятилетие. А пока, отчаявшись искать управу на своих председателях, крестьяне с надеждой обратили свои взоры в сторону “отца народов”: “Из села Старого Чирчима Камешкирского рика Кузнецкого окрика Средневожской области от граждан, всего населения, бедняков и батраков и середняков

ПРОСЬБА тов. СТАЛИНУ

Дорогой наш товарищ Сталин, скажи нам, какие у Вас законы и какие постановления о снятии колоколов? У нас в селе Старом Чирчиме проходили такие постановления, проходили общие собрания о снятии колоколов. Присутствовало все население, две тысячи с женщинами и бедняков и середняков и батраков, и на общем собрании постановили колокола не снимать и не тревожить с места, а у нас так сделал председатель сельсовета: не послушал общего собрания, порушил всего населения протокол. Напился пьяным и напилась все партийцы и все приказчики кооперации и председатель потребительского общества. Никто из верующих не

снимали колокола. Всех этих граждан подменили служащие и партийные и сняли колокола. Подменили их председатель сельсовета Федор Михайлович Шерстнев, приказчик кооперации Федор Михайлович Колдомасов, Иван Ильич Опенкин, Филимон Иванович Панфилов, Чернышев Николай Васильевич, Левин Федор Яковлевич, Клюев Алексей Иванович, Лысов Василий, Смольков Михаил.

Во время снятия колоколов граждане волновались вокруг церкви, а они запирались и снимали колокола и с колокольни бросали чурками и мерзлыми птицами, которые были на колокольне. Когда сняли колокола, – слезли с церкви, граждане стали стыдить и плакать стар и мал, а председатель сельсовета со своей пьяной мордой взял 85-летнего старика за грудь: “Ну уходи прочь отсюда!” Старик заплакал и ушел. Теперчи подтверждаем взять этих людей, которые самовольничают и не слушают граждан. По газетам пишут, что вся основа основывается на массе. Наш председатель никого не признает. Взять его из нашего предела и отдать на расследование ГПУ. Отказывается от этих людей все население: вредители всему населению, которое прописано в этой просьбе.

Дорогой наш товарищ Сталин, просим нашу просьбу принять и не оставить без последствия”²¹⁸.

Последствия не заставили себя ждать – наступили страшные тридцатые годы.

